

005006046

v

Бреславский Анатолий Сергеевич

**КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ПОСТСОВЕТСКОГО УЛАН-УДЭ
(1991-2010 гг.)**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

15 ДЕК 2011

Улан-Удэ – 2011

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН»

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент
Амоголонова Дарима Дашиевна

Официальные оппоненты:

доктор культурологии, доцент
Ляпкина Татьяна Федоровна

доктор исторических наук, доцент
Мантурова Светлана Чимитовна

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Бурятский
государственный университет»

Защита состоится 28 декабря 2011 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 210.002.02 при ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств» по адресу: 670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой 1, Зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств».

Автореферат разослан 25 ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Николаева Д.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования определяется несомненной значимостью процессов формирования и развития городской культуры в условиях трансформации российского общества в постсоветский период. Коренные преобразования в экономике, политике и общественном сознании, связанные с постсоветской модернизацией, способствуют значительным изменениям роли города как феномена культуры. Функциональные характеристики города, которые определяют его значение в практическом смысле, становятся во многом сопряженными и даже определяемыми образными и символическими контекстами, создававшимися на значительном историческом отрезке времени и формирующими в настоящий момент. Случай Улан-Удэ среди прочих городов России обращает на себя особое внимание в силу той множественной культурной специфики, которая проявилась в постсоветский период его истории. Трансформация культурных идентичностей и исторической памяти местного сообщества, представление новой роли города в постсоветских реалиях России, обновление социалистического ландшафта – все эти процессы представлялись нам значимыми объектами историко-культурного анализа.

Улан-Удэ является примером полисемантического пространства, в котором существуют, изменяются и взаимодействуют различные культурные контексты, сформировавшиеся на протяжении сравнительно долгой истории города от Удинского зимовья до столицы Республики Бурятия. Продолжающийся территориальный и демографический рост города не нарушает сложившихся стереотипов в отношении Улан-Удэ; напротив, он способствует закреплению существующих символических зон и знаковых характеристик. Одновременно постсоветская модернизация вносит в формирующийся городской культурный метатекст новые коннотации и нюансы, во многом определяющие, с одной стороны, настроения и оценки горожан, а с другой стороны – цели, направления и способы развития города в различных аспектах. Поскольку города, в том числе и город Улан-Удэ, являются важным показателем развития общества в направлении модернизации, актуальность изучения городского культурного пространства несомненна.

Степень научной изученности проблемы. Методологическая основа исследования изначально складывалась как поисковая, нацеленная на освоение отечественного и зарубежного опыта в исследовании про-

цессов воспроизведения, репрезентации и интерпретации культуры в городском пространстве.

Зарубежный опыт осмыслиения городского (культурного) пространства стал исходным, но не главным в определении исследовательской цели и задач диссертационной работы. Вместе с тем, модернистские (М. Вебер, Г. Зиммель, К. Маркс, Р. Парк, Ф. Энгельс, Э. Берджесс, А. Лефевр) и постмодернистские (Ф. Джеймисон, М. Диэ, М. Дэвис, Э. Соджа, С. Фласти) теории города позволили сформировать широкий методологический контекст, отталкиваясь от которого мы прояснили происхождение современных направлений в изучении «городской» тематики. В этой связи важно отметить, что в 1960-1970-ые гг. городская история выделилась из социальной истории. К настоящему времени на Западе предметные и методологические приоритеты городской истории, изначально интересовавшейся феноменами урбанизации и модернизации, значительно обновились, что проявилось, в первую очередь, в обращении специалистов к объектам исследования и методике смежных дисциплин.

Помимо трудов по социальной и исторической урбанистике, в структуре западноевропейских и американских научных исследований интерес для нас представляли работы, сфокусированные на проблемах концептуального анализа городской культуры. Здесь особое внимание обращают на себя антропологические исследования города, развернувшиеся на Западе с 1950-х гг. (К. Александер, В. Бакли, Л.В. Брэйтборд, О. Линч, С.М. Лоу, Р. Санджек, К. Хамфри). Вместе с тем, даже к концу XX в., как отмечают сами антропологи, город для них так и не стал предметом полномасштабного теоретизирования, а они сами практически не участвовали в дискуссиях о городских исследованиях. Одна из причин этого – возникший дисбаланс между исследованиями в городе и исследованиями собственно города. Обобщающие высказывания в интересующем нас предметном поле инициировались в основном социологами и географами (А. Амин, Д. Митчел, С. Пайл, Э. Соджа, Н. Трифт), что характерно и в случае с российскими исследованиями городской культуры.

Значимым оказался опыт осмыслиения на Западе пространственной трансформации социалистических и постсоциалистических городов (Дж. Баттер, Дж. Белл, Г. Губар, Б. Рубл, Р.А. Френч, Ф.Э. Хамильтон, П. Херлихи). Англоязычные исследования 1990-2000-х гг., проведенные в регионах России и бывших союзных республиках, успешно раскрывают механизмы культурного насыщения ландшафта в советских и постсоветских городах. В содержательном и методологическом плане данные ра-

боты позволяют понять, каким образом в городское пространство встраиваются локальные мифы и коллективная память, как в результате произошедшего слома социалистической системы в обозначенных городах видоизменялись культурный ландшафт и общегородская идентичность. Ценными для нас являются также работы, исследующие роль символов и дискурсов в процессе трансформации советских и постсоветских городов (С. Коткин).

Наконец, знакомство с западными компаративистскими исследованиями (Б. Рубл, Дж. Коэн, Н. Попсон) позволило нам рассматривать развитие постсоветского Улан-Удэ не как исключение, а как достаточно типичный случай, связанный с общими тенденциями развития современного города. Это подтолкнуло нас выстроить собственное исследование так, чтобы его результаты были доступными для сравнения, то есть для решения компаративистских задач.

Традиция изучения городской культуры в социально-гуманитарных науках постсоветской России в основном лишь складывается. Ее специфические особенности – отсутствие конвенциональной системы понятий, развитой методологии, слабость профессиональных связей между учеными – выражают ситуацию общего проблемно-тематического и методологического кризиса (известное исключение в этом смысле представляют исторические науки: источникование, историография, этнография городской культуры). Пока же различия в теоретических предпочтениях конкретных ученых, а также характерная произвольность в содержательном наполнении общего предмета исследования (культурной реальности города) усложняют формирование продуктивных основ для обмена опытом и междисциплинарного синтеза. Вместе с тем, можно выделить несколько основных направлений в отечественных исследованиях городской культуры: антропологическое, историческое, семиотическое, архитектурно-средовое и ландшафтно-образное.

Антропологическое направление в изучении городской культуры в отечественной гуманитарной науке начало складываться в 1980-1990-е гг. При этом изначально исследования тематически и методологически тяготели к области городского фольклора и городской этнографии (Т.Б. Щепанская, Н.А. Томилов). Среди отечественных изданий последних лет наиболее значимыми для нас стали исследования, связанные с постсоветским развитием городов бывшего СССР (Л. Абрамян, Н.П. Космарская, А.В. Михалев, К. Каплонски). Предметно сфокусированные на этничности и национализмах, эти работы затрагивают интересующие нас вопросы

сы трансформации городских ландшафтов в период становления в регио-не новых независимых государств. Интерес представляют и современные отечественные исследования города, выполненные в рамках визуальной антропологии (П.В. Романов, В.В. Семенова, Е.Р. Ярская-Смирнова).

В исторических исследованиях городской культуры внимание сосре-доточено, прежде всего, на соответствующей историографии и источни-ках. Тематически исследователей-историков интересуют вопросы, свя-занные с внешним обликом городов, развитием их культурной инфра-структуры (театры, музеи, школы, церкви и т.п.), уровнем духовно-нравственного и профессионального образования местных сообществ, а также проблемы культурной политики города в тот или иной период его истории (Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова, Б.И. Колоницкий). Совершенно отчетливо проявляется в данном случае то, что отечественные историки отдают предпочтение изучению дореволюционного и советского про-шлого российских городов, в целом оставляя без внимания постсовет-скую городскую историю, которой занимаются сегодня социологи, ан-тропологи, а также представители других смежных дисциплин. Помимо современных работ исторического направления, наше внимание при-влекли также советские историографические исследования, позволившие прояснить специфику производства городской истории в логике маркси-стско-ленинского дискурса (Д.Я. Резун, О.Н. Вилков).

Семиотическое направление, опирающееся на филологические ис-следования городского текста, может быть обозначено корпусом научных работ Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и их последователей (А.А. Бараба-нов, И.А. Игнатьева, Л.Н. Киселева). Дополненные фольклористическим анализом и анализом локальных идентичностей, понятия «городского текста» и «локального текста города» активно разрабатываются и приме-няются в исследованиях В.В. Абашева, М.А. Алексеевского, М.В. Ахме-товой, М.Л. Лурье.

Среди работ архитектурно-средового направления, касающихся про-блем городской культуры, следует выделить исследования В.Л. Глазыче-ва, А.В. Ефимова, А.В. Иконникова, Г.З. Каганова, преимущественно ориентированные на традицию, основные идеи которой были заложены К. Линчем.

Ландшафтно-образное направление в современном отечественном академическом дискурсе представлено системой теоретико-методоло-гических разработок, среди которых наиболее значимыми для нас стали три концепции: концепция культурных ландшафтов В.Л. Каганского, образно-географическая концепция Д.Н. Замятиной и концепция мифогео-

графии И.И. Митина. Именно в рамках данного направления проблематика городского культурного пространства сегодня разрабатывается, на наш взгляд, наиболее интенсивно и продуктивно. Важно отметить, в частности, что в исследованиях Д.Н. Замятиной и И.И. Митина мы нашли инструментально ценное определение «культурного пространства города», связанное с детально проработанной методологической основой и методикой проведения полевого исследования, что выгодно отличает их концепции от остальных. Следует сказать также, что ландшафтно-образный подход позволяет интегрировать исследовательские результаты исторических, социологических и антропологических обследований городской культуры в целостную исследовательскую программу. Использование его возможностей в ходе исторической реконструкции культурного пространства постсоветского Улан-Удэ в итоге предоставило возможность осуществить идею междисциплинарного синтеза.

Изучение культурных реалий и представлений, связанных с постсоветским Улан-Удэ, изначально задает более широкий хронологический контекст, охватывающий весь исторический период существования города. В этом смысле значимыми для нас оказались исторические и краеведческие исследования дореволюционного и советского Улан-Удэ. В работах Ц.Ц. Дондукова, Б.Ц. Жимбиева, Н.В. Ким, Л.К. Минерта, П.Л. Натаева, Р.А. Серебряковой, А.В. Тиваненко мы нашли ответы на интересующие нас вопросы относительно истории формирования ландшафта Улан-Удэ (Верхнеудинска), а также отдельных его пространственных локусов. Данные исследования позволили нам определить, как в результате общегосударственных и региональных политических и экономических трансформаций исторически видоизменялась идентичность всего города, его архитектурный облик, памятные места, структура городской и пригородной территории.

В анализе вопросов, связанных с процессами формирования отдельных сфер городской культуры, культурной инфраструктуры дореволюционного и советского Улан-Удэ (Верхнеудинска), важную роль сыграли работы С.А. Батурина, С.В. Евдокимовой, И.Ю. Замулы, Л.В. Кальминой, Т.Ф. Ляпкиной, С.Ч. Мантуровой, К.Б.-М. Митупова, О.Э. Мишаковой, Т.В. Паликовой, Т.Д. Скрынниковой.

Несомненную ценность для диссертационного исследования имели работы, затронувшие вопросы постсоветской истории Улан-Удэ, формирования оригинальных черт его культурного пространства. В их структуре стоит особенно выделить труды Д.Д. Амоголоновой, С.Д. Батомункуе-

ва, П.К. Варнавского, Г.В. Манзановой, А.В. Михалева, Т.Д. Скрынниковой, К. Хамфри.

Оценивая степень изученности темы, важно отметить, что проблема, поставленная в диссертационном исследовании, изучалась лишь в отдельных аспектах. Несмотря на обилие работ о различных аспектах общественно-политической и этнокультурной реальности Улан-Удэ, к настоящему времени ни постсоветская история города, ни его культурное пространство еще не стали предметом комплексного изучения. Вместе с тем, такого рода исследование, в котором, во-первых, учитываются достижения предшественников, а во-вторых, что еще важнее, предлагается междисциплинарный принцип в изучении культурных реалий города, позволит более целостно оценивать изменения, произошедшие в городском ландшафте и местном сообществе за прошедшие двадцать лет. Актуальность решения этой задачи с каждым годом лишь возрастает, что и обусловило, в частности, выбор исследовательской темы и постановку цели.

Объектом исследования является культурное пространство постсоветского Улан-Удэ. Под «культурным пространством» мы понимаем систему устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира (Д.Н. Замятин).

Предметом исследования являются материально-символические реалии постсоветского Улан-Удэ и их интерпретации, образующие в совокупности культурное пространство города.

Целью исследования является комплексная историческая реконструкция культурного пространства постсоветского Улан-Удэ.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) сформировать теоретико-методологическую основу исследования городского пространства и локализованных в нем культурных реалий посредством синтеза и конкретизации отдельных отечественных и зарубежных подходов;

2) раскрыть исторические условия формирования представлений об Улан-Удэ;

- 3) осуществить неландшафтный и ландшафтный анализ текста постсоветского Улан-Удэ;
- 4) выявить наиболее устойчивые культурные реалии и пространственные представления, связанные с постсоветским Улан-Удэ;
- 5) предложить модель культурного пространства постсоветского Улан-Удэ.

Теоретико-методологическими основаниями диссертационного исследования являются принципы историзма, объективности, системный подход, определяющие сущностную сторону исторического познания. Принцип историзма дал возможность изучить историко-культурные реалии постсоветского Улан-Удэ в динамике их изменения, развития во времени, рассмотреть их как определенную целостность, обладающую имманентным смыслом и встроенную в историю города. Принцип объективного взгляда на историю позволил провести комплексный анализ и оценку интерпретаций, связанных с постсоветским Улан-Удэ, выявить множественность и вариативность способов «прочтения» города. Иными словами, он обеспечил возможность взглянуть на город с различных точек зрения, с позиций разных социальных групп и дискурсов. В работе принципиальное значение получил системный подход, что позволило рассматривать городское культурное пространство как сложную систему, встроенную во все сферы местной общественной жизни в контексте общесистемных закономерностей, включая связь с внешней средой и обратную связь.

Среди специальных методов исторического исследования отметим историко-типологический, благодаря которому мы выделили характерные для постсоветского периода тенденции пространственного развития отечественных городов, а также историко-генетический, предоставивший инструментарий для исторической реконструкции представлений о городе. Использование историко-генетического метода, в частности, позволило установить глубинную связь между способами интерпретации и презентации Улан-Удэ в дореволюционный, советский и постсоветский периоды его истории. Благодаря использованию этого метода стало возможным проследить логику развития общегородской идентичности, культурных реалий и представлений, сложившихся на территории города. При этом важное место в исследовании занял диахронный метод, который позволил показать преемственность и динамику развития культурного пространства города в разные исторические периоды (дореволюционный, советский, постсоветский), тогда как синхронный метод обеспечи-

чил возможность сопоставления случая постсоветского Улан-Удэ с ситуацией в других городах России.

Методологическую основу диссертационной работы составили три подхода к изучению городского пространства – морфологический, социоструктурный и ландшафтно-образный. Их выбор выражает общую стратегию исследования, согласно которой изучение устойчивых культурных реалий и представлений на территории постсоветского Улан-Удэ было осуществлено посредством исторической реконструкции его физического, социального и культурного пространства. Соотнести обозначенные подходы позволил структурно-функциональный метод, а также сочетание принципа социального конструктивизма и семиологического подхода в изучении социокультурных процессов и феноменов. В их логике культурное пространство города рассматривается как структурированная знаково-символическая система, выполняющая ряд общественно значимых функций.

В итоге настоящее диссертационное исследование, при общей дисциплинарной направленности в рамках теории и истории культуры, приобрело междисциплинарный характер, объединяя в себе методологические приемы и предметные области истории, культурной антропологии и культурной географии.

Из научных методов эмпирического исследования в работе применялся метод включенного наблюдения и описания, связанный с целенаправленной фиксацией исследуемых реалий путем погружения в изучаемую среду. Использование этого метода, относящегося к сфере культурной и социальной антропологии, социологии и этнографии, позволило автору зафиксировать (визуально – на видео и фотографиях) и текстуально (в дневнике) данные об изучаемой реальности, которые были использованы в исследовании.

Источниковую базу исследования, помимо материалов включенного наблюдения автора, составляет группа печатных изданий и электронных ресурсов, связанных с проблематикой диссертации. Среди источников особое значение имели научные, краеведческие и публицистические работы, касающиеся различных аспектов общественно-политической и этнокультурной реальности (постсоветского) Улан-Удэ – труды российских и зарубежных авторов.

В диссертации также были проанализированы печатные и электронные материалы региональных и городских средств массовой информации, официальных органов власти, туристических организаций, художе-

ственных и документальные фильмы, формирующие представление об историко-культурной специфике города в изучаемый период.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- концептуально проанализированы материально-символические реалии постсоветского Улан-Удэ (знаковые объекты городского ландшафта) и особенности его культурного восприятия: выявлена структура пространственных представлений о данном городе, специфика горизонтальных и иерархических связей между ними;

- дана комплексная характеристика сложившихся образов города Улан-Удэ, что позволило представить его культурное пространство в соответствии с концептом палимпсеста, подразумевающим постоянное наследование тех или иных элементов места новыми семиотическими значениями;

- предложена модель культурного пространства города путем выделения, фиксации и исследования наиболее устойчивых признаков постсоветского Улан-Удэ, а также соответствующих им знаковых мест городского культурного ландшафта;

- выявлены преемственность и устойчивость представлений о городе Улан-Удэ, начиная от дореволюционных и советских времен и вплоть до сегодняшнего дня;

- решены вопросы методологического и проблемно-тематического характера, связанные с уточнением и конкретизацией содержания и задач исторической реконструкции в процессе изучения городской культуры, а именно определена роль морфологического, социоструктурного подходов, а также критического дискурс-анализа в анализе городского ландшафтного и неландшафтного текста, что дало возможность развить и конкретизировать используемый в исследовании ландшафтно-образный подход.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Культурное пространство города» – категория, активно используемая в современных социальных и гуманитарных науках. Вместе с тем, ее инструментальная ценность и эвристическая значимость остаются, как показал теоретический обзор, сравнительно невысокими, поскольку под этим понятием обычно подразумевается широкий спектр культурных явлений, локализованных в границах города. В целом для современных исследований городского культурного пространства характерно отсутствие конвенционального понимания этой категории. Проблемные дискуссии в соответствующем предметном поле развиты слабо, ситуацию мето-

дологического кризиса периодически актуализируют в основном лишь географы и социологи. Культурное пространство города в нашем понимании – это определенным образом структурированная система культурных контекстов, каждый из которых представляет собой совокупность устойчивых признаков данного города и соответствующих им реалий и знаковых мест городского ландшафта.

2. Отличительными преимуществами в изучении культурного пространства города применительно к российским реалиям, а также с точки зрения инструментальной ценности, обладает ландшафтно-образный подход. В диссертации в качестве дополнения к данному подходу предлагаются морфологический и социоструктурный подходы, а также дискурс-аналитическая программа, позволяющая не только зафиксировать наиболее устойчивые образы города и соответствующие им знаковые места, но и исследовать процессы производства и потребления неландшафтного и ландшафтного текста города.

3. Среди представлений о постсоветском Улан-Удэ, связанных с локальной историей и реалиями городского культурного ландшафта, выделяются образы «города-столицы», «города с азиатской душой», «торгового города – города славных купеческих традиций», «социалистического города», «города окраин», «города-деревни» и «города культуры». Эти представления напрямую связаны с наиболее значимыми историческими функциями, которые выполнял Улан-Удэ (Верхнеудинск) с момента своего основания (город-форпост, торговый город, советская столица национальной республики, столица Республики Бурятия и одновременно – Байкальской Азии).

4. Исследование структуры и содержания культурного пространства постсоветского Улан-Удэ позволило выявить многообразные связи между современными пространственными интерпретациями города и его дореволюционной, а также советской историей. Это позволяет говорить о том, что культурное и историческое восприятие города сегодня особенно тесно связаны. Перечисленные выше пространственные представления о постсоветском Улан-Удэ отражают его глубокую политекстуальность, которая оказалось значимой на современном этапе развития города. Вместе с тем, артикуляция того или иного представления о городе зависит от задач его (вос)производства, формулируемых и реализуемых общественными акторами. Показательно в этом смысле доминирование образов «столицы Байкальской Азии» и «Древнего города», значимых с точки зрения публичной (внешней) презентации города.

5. Развитие культурного пространства Улан-Удэ в постсоветский период его истории было связано с потребностями самоопределения города, переосмыслиния городской идентичности в новых политико-экономических и социокультурных условиях. Значимое воздействие в этом смысле приобрели развернувшиеся в Республике Бурятия со временем Перестройки процессы этнокультурного и, в частности, религиозного возрождения у бурят и русских. Начиная с 2000-х гг. в связи с развитием Байкальской туристической зоны, на формирование и утверждение пространственных представлений об Улан-Удэ, составляющих его культурное пространство, существенное влияние оказал туристический вектор развития города и республики. Это выразилось во множественных эффектах самоориентализации, фольклоризации и экзотизации культурного ландшафта города, манифестиции его исключительности.

Хронологические рамки исследования включают период с 1991 по 2010 г.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию города Улан-Удэ.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть востребованы при разработке геокультурных образов территории (в частности, Республики Бурятия и города Улан-Удэ), которые играют важную роль в современных межрегиональных и международных отношениях, используются при выработке политических и социально-экономических программ. Основные результаты исследования могут быть востребованы в практической деятельности, связанной с выработкой стратегий территориального развития, а также в мероприятиях по охране культурного наследия города. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных курсов и практических занятий по культурологии и историческому краеведению, а также по методологии современных гуманитарных исследований.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования в форме докладов были представлены на IV международной Байкальской школе социальных исследований «Местные сообщества: исследовать извне и изнутри» (Иркутск, 27 августа- 2 сентября 2010 г.), на VIII Всероссийском научном симпозиуме «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики» (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.), а также в ходе образовательной стажировки автора по направлению «Социология массовой коммуникации» в Институте социологии РАН (Москва, 7-17 июня 2011 г.).

Основные положения диссертации отражены в 7 статьях, 4 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, состоящих из шести параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении дается обоснование актуальности темы исследования, анализируется степень ее изученности, определяется объект, предмет, цель и конкретные задачи исследования, его источниковая база, формулируются методологические основания работы, хронологические и территориальные рамки, научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, практическая значимость, апробация основных выводов и структура диссертации.

В первой главе диссертации «Теоретико-методологические основы изучения культурного пространства города» дается обоснование, осуществляется конкретизация используемых в исследовании подходов к анализу городского пространства и локализованных в нем культурных реалий.

В первом параграфе «Отечественные и зарубежные подходы к изучению городского пространства» осуществляется аналитический обзор и конкретизация современных подходов к исследованию городского культурного пространства. В контексте задач диссертационного исследования приоритет отдавался тем разработкам, которые предоставляют методологические ресурсы для изучения постсоветских реалий «городской» России и предполагают возможность реализовать в работе принцип междисциплинарности.

В ходе анализа научной литературы мы пришли к заключению, что в западной и отечественной традиции изучения городской культуры понятие «городское культурное пространство» используется преимущественно как научная метафора, интуитивно, а не инструментально определяющая совокупность культурных явлений, локализованных в границах городского пространства. Кроме того, в отечественных исследованиях все еще не решены существенные методологические противоречия, связанные со слабой применимостью наиболее известных зарубежных подходов в изучении городского пространства к реалиям постсоветской России. Эти обстоятельства побудили нас обратить более пристальное вни-

мание на феномен городского пространства и подходы к его изучению. В итоге нами был сформирован теоретико-методологический блок, включающий три подхода: морфологический, социоструктурный и ландшафтно-образный. Обозначенные подходы в контексте данного диссертационного исследования имели особое эвристическое значение. Они предоставили широкий (и, что немаловажно, уже используемый в отечественных исследованиях) методологический инструментарий для проведения интересующей нас реконструкции культурного пространства города. Каждый из представленных подходов обеспечил различные методологические приемы и основания для научного анализа этого пространства, изучения механизмов его конструирования, презентации и интерпретации.

Идеи морфологического подхода были использованы в ходе реконструкции процессов формирования физического пространства города; в частности, он предоставил возможности для фиксации того, как отдельные культурно-значимые объекты были исторически распределены в застроенном городском ландшафте. Данный подход с его акцентуацией на феномен социалистического города дал основы для анализа советской морфологии Улан-Удэ, позволил зафиксировать в городе те зоны, которые маркируют его в качестве социалистического пространства. Это особенно важно, поскольку современный Улан-Удэ во многом остается продуктом социалистического планирования и проектирования. В связи с этим и многие западные исследования социалистических городов, выполненные в рамках морфологического подхода, оказались применимы к рассматриваемому нами случаю.

Социоструктурный подход, в отличие от морфологического, позволил сделать акцент на социальные структуры, а точнее на то, как они встроены (инкорпорированы) в физическое пространство города. В рамках данного подхода нами были рассмотрены вопросы выстраивания символических дистанций между внутригородскими территориями: как одни из них получают высокую символическую значимость, а другие – нет, как происходит размещение социальных групп внутри городского пространства, как на этот процесс влияет капитал, политикаластных и деловых структур.

Ландшафтно-образный подход, также как и социоструктурный подход, позволил соотнести природное, физическое (неосвоенное и неприватное) пространство города с социально-культурными процессами, формируя акцент не на социальных, а на культурных, символических структурах. В рамках этого подхода, который опирается преимущественно на дисциплинарные возможности культурологии, культурной географии

фии, семиотики и истории, напрямую исследуются процессы взаимодействия культуры и пространства – локализации культурно-символических форм в определенном физическом ландшафте. Важно отметить также, что методологический инструментарий, выработанный в рамках ландшафтно-образного подхода, позволил обобщить и упорядочить множественные пространственные представления о городе, а также связанные с ними реалии городской культуры, составляющие предмет исследования диссертации.

Во втором параграфе «Концептуальные основы изучения культурного пространства города» общеметодологические положения и методика полевого исследования, разработанные в рамках ландшафтно-образного подхода, раскрываются применительно к изучаемой ситуации. Выбор данного подхода в качестве основополагающей теоретико-методологической схемы был определен двумя значимыми обстоятельствами. Во-первых, данный подход включает концепции, которые были разработаны отечественными учеными, изучающими процессы взаимодействия культуры и пространства в России. При этом его теоретико-методологические основы не просто включают себя достижения зарубежной науки, но и опираются на них. А во-вторых, этот подход предоставляет точные, инструментально ценные рабочие определения, а также методологические приемы и схемы, связанные со сбором, интерпретацией и презентацией эмпирических данных.

Решая поставленные в параграфе задачи, мы проанализировали «образную» концепцию в исследовании городского культурного пространства (Д.Н. Замятин), а затем – концепцию пространственных мифов (И.И. Митин). Нами были рассмотрены основные категории, используемые в работе: «культурное пространство города», «образы города» (их виды и роль в организации специфических культурно-географических пространств), «пространственные мифы» и процесс их формирования – семиозис. В параграфе представлена модель интерпретации городского культурного пространства как палимпсеста, основанная на идее сосуществования множественных представлений о месте, изложены задачи полевого исследования, связанные с выявлением признаков города (их совокупностей – культурных контекстов) и его знаковых мест, определены сущность и задачи ландшафтного и неландшафтного анализа текста города.

Значимой для нашей работы была выработка методологических предложений, являющихся, во-первых, синтезом идей предшественников, а, во-вторых, их конкретизацией применительно к нашим исследова-

тельским задачам. Этому была посвящена заключительная часть параграфа. Здесь важно отметить, что полевой этап нашего исследования, связанный с изучением культурных реалий и представлений о постсоветском Улан-Удэ, внес некоторые корректизы в рассмотренные выше концепции пространственных образов и мифов. Мы предлагаем рассматривать данные корректизы как возможный ресурс для обновления этих концепций, уточнения их методологических и методических возможностей. Сущность произведенных корректировок заключалась в том, что мы дополнили анализ ландшафтного и неландшафтного текста города критическим дискурс-анализом. Содержательно это выражалось в расширении списка исследовательских вопросов за счет включения проблематики, не являющейся принципиальной с точки зрения образной концепции и концепции пространственных мифов, однако связанной с процессом производства и потребления ландшафтного и неландшафтного текста.

Во второй главе «Формирование образа Улан-Удэ в историко-культурной ретроспективе», исходя из логики ландшафтно-образного подхода, анализируется историко-краеведческий дискурс о дореволюционном и советском Улан-Удэ, определяются ключевые признаки города и соответствующие им знаковые места, содержащиеся в историко-краеведческих нарративах.

В первом параграфе «Дореволюционный Улан-Удэ (Верхнеудинск) в историко-краеведческих нарративах» исследуется культурный ландшафт города и его репрезентации в дореволюционный период, причем дореволюционная история Улан-Удэ рассматривается как источник неландшафтного текста города. С содержательной точки зрения интерес для нас представляли следующие вопросы: во-первых, исторические особенности Улан-Удэ, связанные с его функциональной значимостью и ее изменением в различные исторические периоды; во-вторых, его архитектурно-планировочный облик, внутригородское ландшафтное зонирование; в-третьих, особенности культурной жизни; в-четвертых, складывающиеся местные сообщества города с их ценностными установками.

Улан-Удэ, начиная с момента основания Удинского зимовья, претерпевал изменения в соответствии с осуществлением государственных задач и логикой развития экономики региона. Уже к середине XIX в. Верхнеудинск стал многофункциональным центром Забайкальской области, что подразумевает его торгово-экономическое и геополитическое значение для осуществления имперских задач. При этом в дореволюцион-

онный период функциональная значимость города и те исторические задачи, которые он решал, предопределили последовательную смену двух общегородских идентичностей. Первая из них была связана с обороной (город-крепость-форпост), вторая – с торговлей и перераспределением товаров (город торговли, купеческий город). Изменение исторической роли Верхнеудинска (от военной крепости – к торгово-перевалочному центру) повлекло существенные преобразования в его морфологии – центр города с Батарейной горы постепенно переместился на Гостинодворскую площадь (сегодня – площадь Революции) с расположенным на ней Гостиными рядами. При этом понятия «центр» и «город» оставались синонимичными, поскольку дореволюционный Верхнеудинск расширялся сравнительно медленно, представляя к началу XX в. территориально и количественно небольшое поселение. Среди знаковых мест города, помимо Гостинодворской площади, стоит отметить здания религиозных учреждений, которые выделялись из общего, в основном одноэтажного и деревянного, архитектурного ландшафта города. Это было особенно характерно для каменных зданий Одигитриевского собора, Спасской и Троицкой церкви, которые являлись высотными доминантами старого Верхнеудинска.

Во втором параграфе «Трансформация культурного ландшафта города в советский период» анализируются историко-культурные реалии и представления о городе, зафиксированные в историко-краеведческих текстах о советском Улан-Удэ.

После установления советской власти в морфологии Верхнеудинска произошли знаковые преобразования. Став в 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР, город, сохранив при этом свое традиционное значение важнейшего пункта обмена и распространения товаров, превращается в главный очаг новой национальной культуры. В связи с советской индустриализацией и политикой нациестроительства Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ) приобретает характеристики индустриального, административно-ведомственного города, советской столицы национальной республики. Городское сообщество, до 1920-х гг. преимущественно русское, ко времени Перестройки становится этнически разнообразнее, в частности, за счет представителей бурятской этнической группы. ТERRITORIALLY город сформировался именно в советский период, что напрямую определило специфику его зонирования. Центральную часть Улан-Удэ помимо территории «Старого города» дореволюционной застройки образует новый общегородской центр – площадь Советов. Позиции пе-

риферийных территорий, слабо интегрированных в центр, к концу советского периода сохраняли практически все территории заводских и «спальных» окраин. Городской ландшафт (дискурсивно организованные элементы архитектуры, скульптура, памятные места и пр.) является преимущественно социалистическим, жилая застройка основана на технологии массового возведения зданий по типовым проектам, индустриальными методами из стандартизованных сборных элементов. Зоны индивидуальной деревянной застройки, появившиеся в результате острого кризиса жилья в связи массовой миграцией в город в 1930-1970-е гг., занимают существенную часть его территории.

В третьей главе «**Материально-символические реалии постсоветского Улан-Удэ и их интерпретации**» проанализирован неландшафтный и ландшафтный текст постсоветского Улан-Удэ, город представлен визуально и дискурсно.

В первом параграфе «**Характеристика культурных контекстов постсоветского Улан-Удэ**» на основании нарративов административного, академического, публицистического и туристического дискурсов о постсоветском Улан-Удэ, а также материалов дискурса СМИ, представлен анализ неландшафтного текста города, дополненный анализом не менее значимого ландшафтного текста – данными визуальных наблюдений, собранными в ходе полевого исследования. Учитывая исторический контекст и те признаки города, которые он задает, были определены семь наиболее мощных культурных контекстов (групп признаков), характерных для постсоветского Улан-Удэ. В диссертационном исследовании они получили названия: «Город-столица», «Город с азиатской душой», «Верхнеудинск в Улан-Удэ», «Советское в постсоветском Улан-Удэ», «Город-деревня», «Город окраин», «Город культур». Данные контексты, таким образом, были выделены нами не только исходя из наиболее устойчивых культурных реалий последних двух десятилетий, но и в связи с более ранними историческими особенностями города, которые мы обозначили выше. История города при выявлении этих контекстов послужила в качестве информационного ресурса, а также в определенной степени как основание для их легитимности. В случае с постсоветским Улан-Удэ этот прием оказывается возможным, поскольку культурное и историческое восприятие города здесь особенно тесно взаимосвязано. Более того, культурное восприятие организовывается во многом именно на историческом материале. Такой вывод является результатом научного анализа культурных реалий и представлений о городе, связанных с каждым из

контекстов, а также особенностей их (вос)производства, интерпретации и презентации в постсоветском общественно-политическом и повседневном дискурсе.

Мы выяснили, в частности, что восприятие Улан-Удэ в качестве «Города-столицы» опирается на представление о нем как о «единственном городе республики», «общереспубликанском центре», «центре общественной жизни республики», «транспортном узле Забайкалья». В качестве «Города с азиатской душой» Улан-Удэ рассматривается как «столица бурятского мира», «столица Байкальской Азии», «буддийская столица России», «ворота в Азию». Воспроизведение культурного контекста «Верхнеудинск в Улан-Удэ» связано с артикуляцией дореволюционного прошлого и образов «города-форпоста», «русского города на землях коренных народов», «старого города», «города исторического», «торгового города», «города славных купеческих традиций». «Советское в постсоветском Улан-Удэ» обнаруживается в ходе его интерпретации в роли «советского», «социалистического», «индустриального города», «типично российского города», «советской столицы национальной республики». Контекст «Город-деревня» включает такие пространственные представления об Улан-Удэ как «маленький город», «большая деревня». В качестве признаков «Города окраин» нами обозначены следующие образы постсоветского Улан-Удэ: «город фрагментов», «город-мозаика». Наконец, заключительный контекст, представляющий постсоветский Улан-Удэ как «Город культур», был организован нами исходя из представлений о нем как о «многонациональном», «многоконфессиональном» городе, «самом толерантном городе России», «воротах в этнокультурный мир республики», «зеркале этнокультурного разнообразия республики», «центре Забайкальского этнокультурного и религиозного ренессанса». Важно отметить, что изначально мы рассматривали каждый из культурных контекстов как самодостаточную, автономную структуру, способную в определенных условиях «закрыть» собой остальные. Все эти контексты являются значимыми с точки зрения культурного восприятия постсоветского Улан-Удэ. Они позволяют рассматривать культурное пространство города в качестве многомерной совокупности культурных миров, что в конечном итоге дает возможность представить, интерпретировать, прочесть город по-разному.

Во втором параграфе «Система контекстов: формирование городского культурного пространства как метатекста» культурные контексты, выделенные в ходе ландшафтного и неландшафтного анализа, были

рассмотрены в структурно-системном ракурсе. В совокупности они образовали объект нашего исследования – культурное пространство постсоветского Улан-Удэ. Данное пространство было представлено и проинтерпретировано как совокупность существующих контекстов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту (главный признак) и организуется вокруг существующих в ландшафте знаковых мест (модель места как палимпсеста). Это позволило не только соотнести содержащиеся в контекстах признаки города и соответствующие им знаковые места, но и прояснить характер связей (корреляционных и иерархических) между самими контекстами.

Рассмотренные в таком ракурсе, культурные контексты, как мы выяснили, представляют культурное пространство постсоветского Улан-Удэ в качестве системы, воспроизводящейся на основе сосуществования трех исторических реальностей (дореволюционной, советской и формирующейся постсоветской). Органичное переплетение этих реальностей в постсоветской ситуации обеспечивается во многом за счет представления о городе как о (неизменном) историческом центре, столице региона, республики, бурятского мира. В архитектурно-средовом смысле эту интегрирующую роль играют знаковые сегменты городского ландшафта, отчетливо сигнализирующие о том, продуктом каких исторических эпох является город.

Второй значимой составляющей культурного пространства города являются реалии сосуществования и дружественного взаимодействия различных культур и, в частности, религий и верований (главные из которых в городе сегодня – буддизм, православие и шаманизм). При этом в системе пространственных представлений о городе, как показало исследование, доминирующее положение приобретает идея «города с азиатской душой» – национальной столицы с ее национальными религиями (буддизмом и шаманизмом). Таким образом, мы можем говорить о двух доминантных контекстах культурного пространства постсоветского Улан-Удэ – контекстах, представляющих его в качестве «исторической столицы» и «города с азиатской душой».

В дискурсивном «столкновении», связанном с утверждением образов города, наибольшую поддержку, как мы выяснили, имеют четыре контекста: «Город-столица», «Город с азиатской душой», «Верхнеудинск в Улан-Удэ», «Город культур». Именно они сегодня задают рамку культурного восприятия постсоветского Улан-Удэ. Оставшиеся три контекста («Советское в постсоветском Улан-Удэ», «Город-деревня», «Город окра-

ин»), весьма значимые с точки зрения наличной реальности города, в целом выпадают из его официальной (публичной) презентации, оставаясь значимыми на уровне повседневного дискурса.

В Заключении определены основные итоги исследования и его результаты. Проведенный анализ ландшафтного и неландшафтного текста города показал, что Улан-Удэ, характеризующийся общими для многих российских городов качествами, одновременно обладает целым рядом историко-культурных особенностей, которые можно зафиксировать в городском культурном ландшафте. Среди образов пространства постсоветского Улан-Удэ, формирующих отличительный метатекст локальной культуры, можно выделить основные: «Город-столица», «Город с азиатской душой», «Столица Азии Байкальской», «Столица бурятского мира», «Город исторический», «Торговый город», «Город славных купеческих традиций», «Социалистический город». Эти образы, а также ряд обозначенных выше пространственных представлений о постсоветском Улан-Удэ, были систематизированы в диссертации в виде модели культурного пространства, включающей в себя признаки и знаковые места Улан-Удэ.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в рецензируемых изданиях:

1. Бреславский А.С. Исторический контекст формирования постсоветского Улан-Удэ [текст] / А.С. Бреславский // Известия Алтайского госуниверситета. Сер.: История, политология. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010. – Т. 2, № 4. – С. 13-17 (0,5 п.л.).
2. Бреславский А.С. Проблемы антропологии города (ответы на вопросы дискуссии) [текст] / А.С. Бреславский // Антропологический форум. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – № 12. – С. 39-47 (0,5 п.л.).
3. Бреславский А.С. Городская история как предмет дискурс-анализа: ресурсы и программа исследования [текст] / А.С. Бреславский // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: Изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 2011. – № 1. – С. 102-105 (0,5 п.л.).
4. Бреславский А.С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ [текст] / А.С. Бреславский // Известия Алтайского госуниверситета. Сер.: История, политология. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. – Т. 1, № 4. – С. 22-25 (0,5 п.л.).

Статьи в зарубежных изданиях:

5. Бреславский А.С. Конструирование «городских окраин» в постсоветском Улан-Удэ [текст] / А.С. Бреславский // Палітычна сфера. – Минск: Белорусский гос. ун-т, 2009. – № 12. – С. 74-88 (0,9 п.л.).

6. Breslavsky A. Youth and ‘the movement’ – social life in a rural district of Buryatia [text] / A.S. Breslavsky // Inner Asia. – London: Global Oriental Ltd, 2009. – Vol. 11, № 2. – P. 83-95 (0,8 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

7. Бреславский А.С. Городские окраины Улан-Удэ: политики номинаций в административном дискурсе [текст] / А.С. Бреславский // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского науч. симпозиума (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / Отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. – Омск: Издательский дом «Наука», 2010. – С. 187-191 (0,5 п.л.).

Подписано в печать 24.11.2011. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,3.

Тираж 100. Заказ № 66.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН

670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.